

Годы зрелости

1830-1854

- Эта пора была самою деятельной эпохой его творчества. После небольших трудов, выше частью названных, его первым крупным литературным делом, положившим начало его славе, были «[Вечера на хуторе близ Диканьки](#)». Повести, изданные пасичником Рудым Паньком", вышедшие в Петербурге в [1831](#) и [1832 годах](#), двумя частями (в первой были помещены «[Сорочинская ярмарка](#)», «[Вечер накануне Ивана Купала](#)», «Майская ночь, или утопленница», «[Пропавшая грамота](#)»; во второй — «[Ночь перед Рождеством](#)», «[Страшная месть, старинная быль](#)», «[Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка](#)», «[Заколдованное место](#)»).
- Эти рассказы, изображавшие невиданным прежде образом картины украинского быта, блиставшие веселостью и тонким [юмором](#), произвели большое впечатление на Пушкина. Следующими сборниками были сначала «[Арабески](#)», потом «[Миргород](#)», оба вышедшие в [1835 году](#) и составленные частично из статей, опубликованных в 1830—[1834 годах](#), а частично из новых произведений, публиковавшихся впервые. Вот когда литературная слава Гоголя стала бесспорной.

- Украинская жизнь и в это время доставляла материал для его фантазии, но настроение было иное: в повестях «Миргорода» постоянно звучит эта грустная нота, доходящая до высокого [пафоса](#). Вернувшись в Петербург, Гоголь усиленно работал над своими произведениями: это была вообще самая активная пора его творческой деятельности; он продолжал, вместе с тем, строить жизненные планы.
- С конца [1833 года](#) он увлёкся мыслью столь же несбыточной, сколь несбыточными были его прежние планы относительно службы: ему казалось, что он может выступить на [учёном поприще](#). В то время готовилось открытие [Киевского университета](#), и он мечтал занять там кафедру истории, которую преподавал девицам в Патриотическом институте. В [Киев](#) приглашали Максимовича; Гоголь мечтал приступить к занятиям в Киеве вместе с ним, желал зазвать туда и Погодина; в Киеве его воображению представлялись русские [Афины](#), где сам он думал написать нечто небывалое по [всеобщей истории](#).

- Потом в том же году вышел «Миргород» — повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (две части, СПб., 1835). Здесь помещён был целый ряд произведений, в которых раскрывались новые поразительные черты таланта Гоголя. В первой части «Миргорода» появились «[Старосветские помещики](#)» и «[Тарас Бульба](#)»; во второй — «[Вий](#)» и «[Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем](#)».
- Впоследствии ([1842](#)) «Тарас Бульба» был полностью переработан Гоголем. Будучи профессиональным историком, Гоголь использовал фактические материалы для построения сюжета и разработки характерных персонажей романа. События, легшие в основу романа — крестьянско-казацкие восстания [1637 — 1638 годов](#), предводительствуемые [Гуней](#) и [Острянином](#). По всей видимости, писатель использовал дневники польского очевидца этих событий — войскового капеллана [Симона Окольского](#).

- К [1834 году](#) относят первый замысел «[Ревизора](#)». Сохранившиеся рукописи Гоголя указывают, что он работал над своими произведениями чрезвычайно тщательно: по тому, что уцелело из этих рукописей, видно, как произведение в его известной нам, законченной форме выросло постепенно из первоначального очерка, все более осложняясь подробностями и достигая, наконец, той удивительной художественной полноты и жизненности, с какими мы знаем их по завершении процесса, тянувшегося иногда целые годы.
- Основной сюжет «Ревизора», как позднее и сюжет «[Мёртвых душ](#)», был сообщён Гоголю Пушкиным. Всё создание, начиная от плана и до последних частных, было плодом собственного творчества Гоголя: [анекдот](#), который мог быть рассказан в нескольких строках, превращался в богатое художественное произведение.
- «Ревизор» вызвал бесконечную работу определения плана и деталей исполнения; существует целый ряд набросков, в целом и частями, и первая печатная форма комедии явилась в 1836 году. Старая страсть к театру овладела Гоголем в чрезвычайной степени: [комедия](#) не выходила у него из головы; его томительно увлекала мысль стать лицом к лицу с обществом; он с величайшей заботливостью старался, чтобы [пьеса](#) была исполнена в соответствии с его собственной идеей о характерах и действии; постановка встречала разнообразные препятствия, в том числе [цензурные](#), и наконец могла осуществиться только по воле [императора Николая](#).
- «Ревизор» имел необычайное действие: ничего подобного не видела русская сцена; действительность русской жизни была передана с такою силой и правдой, что хотя, как говорил сам Гоголь, дело шло только о шести провинциальных чиновниках, оказавшихся плутами, на него восстало всё то общество, которое почувствовало, что дело идёт о целом принципе, о целом порядке жизни, в котором и само оно пребывает.
- Но, с другой стороны, комедия встречена была с величайшим энтузиазмом теми элементами общества, которые сознавали существование этих недостатков и необходимость их преодоления, и в особенности молодым литературным поколением, увидевшим здесь ещё раз, как в прежних произведениях любимого писателя, целое откровение, новый, возникающий период русского художества и русской общественности. Таким образом, «Ревизор» расколол общественное мнение. Если для консервативно-бюрократической части общества пьеса казалась [демаршем](#), то для ищущих и свободомыслящих поклонников Гоголя это был определённый [манифест](#)^[1].

- Первые драматические планы явились Гоголю ещё раньше «Ревизора». В 1833 году он поглощён был комедией «[Владимир 3-й степени](#)»; она не была им докончена, но материал её послужил для нескольких драматических эпизодов, как «[Утро делового человека](#)», «[Тяжба](#)», «[Лакейская](#)» и «Отрывок». Первая из этих пьес явилась в «Современнике» Пушкина (1836), остальные — в первом собрании его сочинений (1842).
- В том же собрании явились в первый раз «[Женитьба](#)», наброски которой относятся к тому же 1833 году, и «Игроки», задуманные в половине [1830-х годов](#). Утомлённый творческим напряжением последних лет и нравственными тревогами, каких стоил ему «Ревизор», Гоголь решил отдохнуть от работы, уехав в путешествие за границу.

- В марте [1837 года](#) он был в [Риме](#), который чрезвычайно ему понравился и стал для него как бы второй родиной. Европейская политическая и общественная жизнь всегда оставалась чужда и совсем незнакома Гоголю; его привлекала природа и произведения искусства, а Рим в то время представлял именно эти интересы. Гоголь изучал памятники древности, картинные галереи, посещал мастерские художников, любовался народной жизнью и любил показывать Рим, «угощать» им приезжих русских знакомых и приятелей.
- Но в Риме он и усиленно работал: главным предметом этой работы были «Мёртвые души», задуманные ещё в Петербурге в [1835 году](#); здесь же, в Риме закончил он «Шинель», писал повесть «Анунциата», переделанную потом в «Рим», писал трагедию из быта запорожцев, которую, впрочем, после нескольких переделок уничтожил.
- Осенью [1839 года](#) он вместе с Погодиным отправился в Россию, в [Москву](#), где его встретили Аксаковы, восторженно относившиеся к таланту писателя. Потом он поехал в Петербург, где ему надо было взять сестёр из института; затем опять вернулся в Москву; в Петербурге и в Москве он читал ближайшим друзьям законченные главы «Мёртвых душ».
- Устроив свои дела, Гоголь опять отправился за границу, в любимый Рим; друзьям он обещал вернуться через год и привезти готовый первый том «Мёртвых душ». К лету [1841 года](#) первый том был готов. В сентябре этого года Гоголь отправился в Россию печатать свою книгу.

- Высокое представление о своём таланте и лежащей на нём обязанности повело его к убеждению, что он творит нечто провиденциальное: для того, чтобы обличать людские пороки и широко смотреть на жизнь, надо стремиться к внутреннему совершенствованию, которое даётся только богомыслием. Несколько раз пришлось ему перенести тяжёлые болезни, которые ещё больше увеличивали его религиозное настроение; в своем кругу он находил удобную почву для развития религиозной экзальтации — он принимал пророческий тон, самоуверенно делал наставления своим друзьям и в конце концов приходил к убеждению, что сделанное им до сих пор было недостойно той высокой цели, к которой он считал себя призванным. Если прежде он говорил, что первый том его поэмы есть не больше, как крыльцо к тому дворцу, который в нём строится, то в это время он готов был отвергать всё им написанное, как греховное и недостойное его высокого посланничества.
- Николай Гоголь с детских лет не отличался крепким здоровьем. Смерть в отрочестве его младшего брата Ивана, безвременная кончина отца наложили отпечаток на его душевное состояние. Работа над продолжением «Мёртвых душ» не клеилась, и писатель испытывал мучительные сомнения в том, что ему удастся довести задуманное произведение до конца. Летом [1845 года](#) его настигает мучительный душевный кризис. Он пишет завещание, сжигает рукопись второго тома «Мёртвых душ». В ознаменование избавления от смерти Гоголь решает уйти в монастырь и стать монахом, но монашество не состоялось. Зато его уму представилось новое содержание книги, просветлённое и очищенное; ему казалось, что он понял, как надо писать, чтобы «устремить всё общество к прекрасному». Он решает служить Богу на поприще литературы. Началась новая работа, а тем временем его заняла другая мысль: ему скорее хотелось сказать обществу то, что он считал для него полезным, и он решает собрать в одну книгу всё писанное им в последние годы к друзьям в духе своего нового настроения и поручает издать эту книгу Плетнёву. Это были «[Выбранные места из переписки с друзьями](#)» (СПб., [1847](#)).
- Большая часть писем, составляющих эту книгу, относится к [1845](#) и [1846 годам](#), той поре, когда религиозное настроение Гоголя достигло своего высшего развития. [1840-е годы](#) — пора формирования и размежевания двух различных идеологий в современном ему русском образованном обществе. Гоголь остался чужд этому размежеванию несмотря на то, что каждая из двух враждующих партий — западников и славянофилов, предъявляла на Гоголя свои законные права. Книга произвела тяжёлое впечатление и на тех, и на других, поскольку Гоголь мыслил совершенно в иных категориях. Даже друзья-[Аксаковы](#) отвернулись от него. Гоголь своим тоном пророчества и назидания, проповедью смирения, из-за которой виднелось, однако, собственное самомнение; осуждениями прежних трудов, полным одобрением существующих общественных порядков явно диссонировал тем идеологам, кто уповал лишь на социальное переустройство общества. Гоголь, не отвергая целесообразности социального переустройства, основную цель видел в духовном самосовершенствовании. Поэтому на долгие годы предметом его изучения становятся труды отцов Церкви. Но, не примкнув ни к западникам, ни к славянофилам, Гоголь остановился на полпути, не примкнув целиком и к духовной литературе — [Серафим Саровский](#), [Игнатий \(Брянчанинов\)](#) и др.

- Впечатление книги на литературных поклонников Гоголя, желающих видеть в нём лишь вождя «натуральной школы», было удручающее. Высшая степень негодования, возбуждённого «Выбранными местами», выразилась в [известном письме Белинского из Зальцбрунна](#)^[16].
- Гоголь мучительно переживал провал своей книги. Лишь А. О. Смирнова и П. А. Плетнёв смогли поддержать его в эту минуту, но то были лишь частные эпистолярные мнения. Нападения на неё он объяснял отчасти и своей ошибкой, преувеличением назидательного тона, и тем, что цензура не пропустила в книге нескольких важных писем; но нападения прежних литературных приверженцев он мог объяснить только расчётами партий и самолюбий. Общественный смысл этой полемики был ему чужд.
- В подобном смысле были им тогда написаны «Предисловие ко второму изданию Мертвых Душ»; «Развязка Ревизора», где свободному художественному созданию он хотел придать характер нравоучительной аллегории, и «Предуведомление», где объявлялось, что четвёртое и пятое издание «Ревизора» будут продаваться в пользу бедных... Неудача книги произвела на Гоголя подавляющее действие. Он должен был сознаться, что ошибка была сделана; даже друзья, как С. Т. Аксаков, говорили ему, что ошибка была грубая и жалкая; сам он сознавался Жуковскому: «я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в неё».

- В его письмах с 1847 года уже нет прежнего высокомерного тона проповедничества и назидания; он увидел, что описывать русскую жизнь можно только посреди неё и изучая её. Убежищем его осталось религиозное чувство: он решил, что не может продолжать работы, не исполнив давнишнего намерения поклониться [Святому Гробу](#). В конце 1847 года он переехал в [Неаполь](#) и в начале [1848 года](#) отплыл в [Палестину](#), откуда через [Константинополь](#) и [Одессу](#) вернулся окончательно в Россию.
- Пребывание в [Иерусалиме](#) не произвело того действия, какого он ожидал. «Ещё никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима, — говорит он. — У Гроба Господня я был как будто затем, чтобы там на месте почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия».

- Он продолжал работать над вторым томом «Мёртвых душ» и читал отрывки из него у Аксаковых, но в нём продолжалась та же мучительная борьба между художником и христианином, которая шла в нём с начала сороковых годов. По своему обыкновению, он много раз переделывал написанное, вероятно, поддаваясь то одному, то другому настроению. Между тем его здоровье всё более слабело; в январе 1852 года его поразила смерть жены А. С. Хомякова — Екатерины Михайловны, которая была сестрой его друга Н. М. Языкова; им овладел страх смерти; он бросил литературные занятия, стал говеть на масленице; однажды, когда он проводил ночь в молитве, ему слышались голоса, говорившие, что он скоро умрёт^[17]